

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 60-е гг. XIX в.

Павел Владимирович ЖУРАВЛЁВ,
аспирант Института истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: AcademHistoryStyle@yandex.ru

В статье анализируются причины и последствия административно-территориальных преобразований на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в., рассматриваются вопросы реформы управления Забайкальем, Приморьем, Сахалином, Командорскими островами, а также проблема взаимоотношений между центральными и региональными властями.

Ключевые слова: Дальний Восток, история, административно-территориальное устройство, реформы.

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS IN THE FAR EAST RUSSIA IN 60th OF XIX CENTURY

Pavel V. Zhuravlyov, The post-graduate student of Institute of history, archeology and ethnography of people of Far East FEB RAS.

Clause is devoted to the analysis of a course, the reasons and consequences of administrative-territorial transformations in the Far East to Russia in 60th years of XIX century. Questions of reform of management are mentioned by Transbaikalia, Primorski Krai, Sakhalin, Commander islands. The problem of mutual relations between the central and regional authorities is considered.

Key words: the Far East, history, the administrative-territorial device, reforms.

К началу 1860-х гг. был разрешён «амурский вопрос» в интересах России и принято первичное административно-территориальное устройство присоединённых южных дальневосточных территорий. Всё это явилось результатом деятельности плеяды управленцев, дипломатов, офицеров во главе с Н. Н. Муравьёвым, графом Амурским при активном участии солдат, казаков и крестьян.

Однако после первичного обустройства на новых территориях изменилось отношение к Дальнему Востоку, прежде всего к Приамурью и Приморью, до этого бывшим своего рода *id e fixe* для Иркутска. Как отмечал М. И. Венюков, «...вся поэзия амурского дела кончилась с подписанием Айгунского договора... не оставалось ни одного предприятия на Амуре, которое бы не было самою сухою прозою. Для „видных“ дел

почти не оставалось места» [1, с. 221]. Положение усугублялось отсутствием инфраструктуры, слабой заселённостью и большим недостатком средств для продолжения освоения региона. Готовность центра (и раньше небольшая) инвестировать в развитие Дальнего Востока отныне перестала проявляться.

1860-е гг. в истории административно-территориального деления региона могут быть охарактеризованы как период «консервативного развития». Этот термин применительно к Дальнему Востоку означает, во-первых, отсутствие кардинальных административно-территориальных преобразований, вызванное прежде всего падением интереса к нему имперской элиты и общества; во-вторых, осуществление ряда локальных реформ, направленных на оптимизацию системы управления регионом и учёт трансформаций внутренней политики Российской империи и внешнеполитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

На развитие Дальнего Востока в данный период оказывали влияние две тенденции.

1. Смещение внимания центра от дальневосточных проблем к европейским и среднеазиатским. Современники отмечали утрату интереса к амурским проблемам и региону вообще [2, с. 101]. Возникли сомнения, что Дальний Восток способен служить точкой опоры России для экспансии в АТР [3, с. 201]. Внешним проявлением этой тенденции была ликвидация в 1864 г. Сибирского комитета путём его присоединения к Комитету министров [4, № 41631].
2. Планы освоения Приморья и Приамурья получили приоритетное значение в глазах Иркутска, а за ним и центра, Северо-Восток же фактически остался за рамками активной колонизационной политики. Об этом неоднократно писали как жители региона, так и путешественники, посещавшие его [5, с. 42—43; 6, с. 89; 7, с. 302—303].

Смещение внимания с севера на юг и с Дальнего Востока на другие периферийные районы Российской империи привело к тому, что вопроса о масштабных преобразованиях административно-территориального устройства этого региона долгое время не поднимали ни в Петербурге, ни в Иркутске. Петербург на время вообще утратил интерес к трансформации управленческих структур Дальнего Востока [3, с. 217], а Иркутск ограничивался выдвиганием по большей части локальных проектов переустройства административно-территориального деления.

С начала 1860-х гг. происходит процесс утраты восточносибирским генерал-губернатором особого статуса и особых полномочий, которых в своё время настойчиво добивался Н. Н. Муравьёв. В 1863 г. иркутские власти были лишены права (данного им в 1854 г.) формировать путём экономики казённых средств «амурский капитал» [3, с. 224]. С ликвидацией Сибирского комитета все дела, касавшиеся Восточной Сибири, должны были проходить через министерства, что, несомненно, сильно снижало оперативность их рассмотрения и принятия решений. Правда, император Александр II, видимо, сознавая опасность бюрократической волокиты, сделал исключение для собственно амурских дел: «Я полагаю, напротив,

на первое время оставить течение дел, как было при Сибирском комитете, т.е. чтобы все сношения делались прямо с управляющим делами Комитета министров. Он же будет препровождать дела по принадлежности» [3, с. 224]. Такое «сужение» поля административной деятельности иркутских властей во многом объяснялось уже отмеченной выше утратой интереса центра к региону и особенностями функционирования генерал-губернаторской власти.

Преемник Муравьёва на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861—1871) не обладал ни харизмой, ни энергией, ни талантами своего предшественника. Более того, он не пользовался и авторитетом в среде петербургской элиты. Окончание бурной «муравьёвской» эпохи, связанной с решением грандиозных задач по присоединению и первичному освоению территорий Приамурья и Приморья, и наступление этапа «скучных дел» (заселение, развитие инфраструктуры и коммуникаций, повседневная управленческая работа) вызвали отток способных, квалифицированных чиновников из Восточной Сибири. Восполнить его М.С. Корсаков не смог [2, с. 89]. Оттоку управленческих кадров также способствовало проведение Великих реформ Александра II (крестьянская в 1861 г., судебная и земская в 1864 г.), поскольку организация новых структур управления и суда на низовом и губернском уровнях требовала новых, либерально мыслящих служащих [8, с. 192].

Неудивительно, что, несмотря на появление в 1860—1870-х гг. ряда проектов по переустройству управления Дальним Востоком и Азиатской Россией, большой успех имели планы локальных реформ, затрагивавшие отдельные аспекты административно-территориального устройства. В 1862 г. М.С. Корсаков в особой записке сформулировал предложения по оптимизации структур управления регионом и сокращению расходов на их содержание. Все они были приняты центром и постепенно реализованы. Это можно объяснить следующим. Дальневосточная административная структура создавалась при Н. Н. Муравьёве наспех, без должной разработки, поскольку важнейшей проблемой на тот момент была инкорпорация территорий в империю, а не освоение и создание инфраструктуры региона. Поэтому Петербург легко согласился на реализацию планов Иркутска по частичному реформированию властной системы, так как они не вели к существенному увеличению расходов казны и даже обещали их сокращение. Напротив, проекты общерегионального масштаба (образование на Востоке нового генерал-губернаторства) неизменно «тормозились» в кулуарах министерств и ведомств.

Преобразования по проекту М.С. Корсакова включали в себя упразднение Кяхтинского градоначальства, создание Приморского областного правления, разделение Верхнеудинского округа, введение земского управления в Нерчинском горном округе и упразднение земского суда и городской полиции в Петропавловске. Реорганизации подверглись органы управления на Северо-Востоке. По мнению генерал-губернатора, малочисленность рассматриваемых земским судом и городской полицией дел, их бюрократический характер (в основном донесения вышестояще-

му начальству о положении на местах), отсутствие торговли с иностранцами и «простота существующих между жителями отношений» делают лишним существование суда и полиции в нынешнем составе. М. С. Корсаков предлагал образовать для Петропавловской округи управление, аналогичное существующему в Гижигинской (земский исправник с помощником) [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 3 об. — 4]. Оно было введено Указом от 9 февраля 1863 г. и утверждёнными дополнительными штатами управления Приморской области в феврале 1863 г. [4. № 39267, 39270].

Непростая ситуация сложилась с торговлей в Кяхте. С одной стороны, к середине XIX в. товарооборот через неё достиг значительных размеров [9, с. 120], русско-китайская торговля успешно развивалась, отношения с Китаем были благополучными, а «все части местного [кяхтинского. — *Авт.*] управления и хозяйства приведены в состояние самое удовлетворительное» [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 3—3 об.]. С другой стороны, торговля с Китаем имела отрицательное сальдо [Там же. Д. 550. Л. 5 об. — 6, 166 об. — 167]. Кроме того, с образованием в Пекине, Урге и Тяньцзине дипломатических представительств и переводом в 1861 г. таможи в Иркутск сфера компетенции кяхтинского градоначальника сузилась: отныне он занимался маловажными вопросами.

Всё это заставило генерал-губернатора поставить вопрос об упразднении кяхтинского градоначальства. Он писал, что «кяхтинская торговля... не нуждается уже более в особой о ней попечительности» [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 3 об.].

Указом от 9 февраля 1863 г. Кяхтинское градоначальство было упразднено [4, № 37267]. Согласно утверждённому в тот же день «Положению об управлении пограничным городом Троицкосавском», сам город и слободы Кяхтинская и Усть-Кяхтинская включались в состав Забайкальской области, хотя и имели «особое местное управление». В Кяхте располагался пограничный комиссар (для решения пограничных вопросов), подчинявшийся непосредственно губернатору области, а в дипломатической сфере — генерал-губернатору. В Кяхте и Троицкосавске сохранялись ратуши, занимавшиеся местными хозяйственными вопросами, а в Троицкосавске — и полиция [4, № 37269].

С ещё более трудными проблемами иркутские власти столкнулись при решении вопроса о судьбе горнозаводского населения Нерчинского горного округа. Освобождение крестьян по реформе 19 февраля 1861 г. предопределило необходимость освобождения и рабочих казённых заводов, а вместе с тем и рабочих заводов Кабинета Его Величества, к которым относились и нерчинские. Указом от 8 марта 1861 г. горнозаводские нерчинские рабочие наделялись статусом и правами свободных сельских обывателей [4, № 36717].

Генерал-губернатор в записке 1862 г. предложил создать для них земское управление по типу вводимого для освобождённых крепостных крестьян, причём ввиду отдалённости его от Читы и большого количества ссыльнокаторжных в округе отделить территорию, на которой проживают рабочие, в особый округ [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 7]. Центр

согласился с М.С. Корсаковым, и в декабре 1862 г. было решено образовать земское управление в составе исправника и помощника с непосредственным подчинением губернатору Забайкальской области [4, № 39043]. Штат этого управления был утверждён 9 февраля 1863 г. [4, № 38270].

Выделение нового округа из старого Нерчинского состоялось в 1864 г. В него вошли волости Дучарская (позднее Нерчинско-Заводская), Александровская и Шилкинская, а также Маньковская инородная управа [4, № 40760]. В составе старого округа остались Успенская, Усть-Ильинская и Татауровская волости и, кроме того, поселения бурят и тунгусов [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 14 об., 15 об.]. Новый округ получил наименование Нерчинско-Заводского (его управление располагалось в посёлке Нерчинский Большой Завод), а прежний Нерчинский (во избежание путаницы) — Читинского [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 62 об., 121].

В качестве компенсации за причисление горнозаводских крестьян к Забайкальскому казачьему войску, произошедшее ещё в 1851 г., Кабинет Его Величества выговорил себе право распоряжаться участком земли из новоприсоединённых территорий. Он включал в себя земли левобережья р. Шилки (от впадения в Шилку Горбицы до слияния Шилки и Аргуни), а также земли по течению р. Амазар с притоками. Данная территория была присоединена к Нерчинскому горному округу [4, № 39271].

Корректировка административно-территориального деления Забайкальской области выразилась также в разделении Верхнеудинского округа. Он занимал до одной трети площади области и имел всего 160 тыс. чел., вследствие чего окружные органы власти слабо взаимодействовали с местным населением, не могли оперативно решать возникавшие управленческие проблемы. Поэтому М.С. Корсаков полагал необходимым разделить Верхнеудинский округ на собственно Верхнеудинский (в него планировалось включить волости на правом берегу р. Селенги до р. Уды, Петровский завод и Хоринскую степную думу) и Селенгинский (управление им предполагалось в предельно сокращённом составе) округа [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 6 об.].

Петербург согласился с доводами генерал-губернатора, и 9 февраля 1863 г. после утверждения дополнительных штатов управления Забайкальской области на карте появился новый Селенгинский округ. Земский окружной суд включал в себя земского исправника, двух заседателей и секретаря [4, № 38270].

Наконец, М.С. Корсаков просил учредить в Приморской области областное правление взамен канцелярии при военном губернаторе, так как считал, что «при настоящем составе своём Канцелярия Военного Губернатора Приморской области оказывается совершенно несостоятельной для правильного и скорого течения в области дел». Он убеждал Петербург, что даже расширение кадрового состава канцелярии не изменит ситуацию, поскольку территориальное приращение области в 1860 г. (присоединение Уссурийского края) и увеличение населения требуют само-

стоятельного учреждения, а не органа-придатка при губернаторе, каким является канцелярия [ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6769. Л. 4 об. — 5].

Хотя такой проект вызывал увеличение расходов, центр вынужден был согласиться на его реализацию. Видимо, сказалась боязнь утраты контроля над ситуацией на периферии. Новые штаты управления областью были утверждены 3 мая 1866 г. Образовывалось областное правление в составе 1-го (распорядительного) и 2-го (хозяйственного) отделений. Всего в нём насчитывалось 26 чел. Расходы казны на приморский бюрократический корпус увеличились на 19 тыс. р. [4, № 43261].

Вторая половина и конец 1860-х гг. ознаменовались новой волной активности региональных властей в вопросах управления и административно-территориального устройства. Объектами пристального внимания на этот раз стали периферийные территории Приморской области — Южно-Уссурийский край, Сахалин и Командорские острова. Это объяснялось тем, что в начале 1860-х гг. приморская и восточносибирская администрации были больше заняты проблемами обустройства жизни в Приамурье и Забайкалье, а окраинам области уделялось мало внимания.

Вопрос об управлении Командорскими островами встал сразу после продажи Аляски США (1867) и ликвидации Российско-Американской компании. Имущество компании и её служащие были вывезены с островов [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12, ч. 1. Л. 1 об. — 2]. Командорские острова были подчинены петропавловскому окружному исправнику (т.е. вошли в состав Приморской области), однако на деле там царил анархия. На острова хлынули разного рода спекулянты и авантюристы, а исправник не имел ни возможности, ни времени осуществлять надзор за жизнью и деятельностью проживавшего там населения [10, с. 66].

Таким образом, возникла необходимость учреждения на островах постоянного органа, выполнявшего бы функции контроля и надзора за аборигенами и лицами, ведущими ловлю морских котиков, рыбы и китов. М.С. Корсаков в 1868 г. предложил послать на Командоры и о-в Шумшу (самый северный остров Курильской гряды) двух вахтёров, причём командорский вахтёр должен был стать помощником петропавловского исправника. В их обязанности должны были входить сбор ясака, хранение разного рода припасов и исполнение распоряжений петропавловских властей [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12, ч. 1. Л. 11—11 об., 47].

Однако петропавловский окружной исправник направил вахтёров на Командорские острова в качестве надзирателей за котиковым промыслом, учитывая творившиеся там беспорядки и хищническую добычу морского зверя. Тогда же приморский военный губернатор И.В. Фуругельм заявил о необходимости иметь на островах особого управляющего с помощником-вахтёром. Иркутск поддержал эту мысль, но дело затянулось из-за «блуждания» запросов региональной администрации в коридорах центральной власти. Только в марте 1870 г. Министерство финансов дало согласие на введение должностей управляющего островами (с резиденцией на о-ве Беринга) и его помощника в ранге вахтёра (на о-ве Медном), правда, с оговоркой, что «мера эта должна быть допущена только

временно, потому что положение означенных островов... требует ещё окончательного устройства» [РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 12, ч. 1. Л. 49, 110, 114, 168—168 об.].

Ситуация на Сахалине оставалась неопределённой. Статус «неразделённости» острова между Россией и Японией провоцировал упорную борьбу между обоими государствами за преобладание на нём. К решительным действиям по закреплению Сахалина за Россией имперскую элиту подталкивали, во-первых, стратегическое положение острова, запиравшего амурский лиман; во-вторых, обнаружение на нём залежей высококачественного каменного угля, служившего топливом для судов Сибирской флотилии; в-третьих, опасение экспансии третьих стран в данном районе [11, с. 41—42; 3, с. 414]. Всё это вынуждало Иркутск и Петербург держать на первом плане военно-стратегические ориентиры деятельности русских на Сахалине, в то время как чисто экономические имели второстепенный характер [12, с. 103].

Из-за усиления напряжённости в русско-японских отношениях в середине XIX в. русские власти пошли на создание системы управления Сахалином, в тех условиях неизбежно получившей военно-административный характер. В марте 1866 г. были образованы Дуйское и Муравьёвское (посёлок Кусунай) постовые управления во главе с офицерами, имевшими в сфере гражданского управления полномочия земских исправников [11, с. 62]. Они подчинялись приморскому военному губернатору [12, с. 112]. В марте 1867 г. благодаря подписанию «Временных правил для острова Сахалина» остров был объявлен общим владением России и Японии, чётко регламентировались условия деятельности на Сахалине подданных обоих государств [13, с. 162; 3, с. 415].

Востоносибирский генерал-губернатор, желая использовать благоприятно складывавшиеся обстоятельства, настаивал на административном оформлении статуса острова прежде решения его судьбы дипломатическим путём [3, с. 416]. Несомненно, он опирался на опыт своего предшественника Н.Н. Муравьёва, неоднократно действовавшего таким образом. Центр в конце концов дал санкцию на этот проект, и 29 ноября 1868 г. приказом генерал-губернатора Сахалин был выделен в самостоятельный округ Приморской области. Начальником его, имевшим права земского исправника, стал командир сахалинского отряда войск майор Ф.М. Депрерадович [11, с. 62—63].

Крайне запутанным и трудным было положение в Южно-Уссурийском крае: как самая южная часть Приморской области он служил привлекательным объектом для переселения и колонизации как русских, так и иностранцев (прежде всего китайцев и корейцев). Ситуация осложнялась и отсутствием какой бы то ни было охраны границ, вследствие этого незащищённых от наплыва временных и постоянных мигрантов [14, с. 221].

Сложный этнический и социальный состав населения Южно-Уссурийского края (сезонники, аборигены, ссыльные, крестьяне) побудил приморского губернатора И.В. Фуругельма в феврале 1867 г. образовать

на территории края Новгородский постовой округ во главе с постовым начальником, пребывающим в Новгородском посту. Округ делился на семь участков (Новгородский, Суйфунский, Владивостокский, Сучанский, Лефу (вероятное прочтение, в тексте архивного документа написано неразборчиво), Верхнеуссурийский, Ханкайский), возглавлявшихся особыми участковыми начальниками, при которых находились воинские отряды. Границы участков определялись по водораздельным хребтам. Участковый начальник провозглашался «представителем местной военно-административной и военной исполнительной власти» и имел полномочия коменданта и местного воинского начальника. В его обязанности входили заботы о коммуникациях в округе, хранение казённого имущества и сбор статистических сведений. Подчинялся он непосредственно постовому начальнику.

Двойственность характера управления краем закладывалась приморскими властями изначально, что видно из инструкции Фуругельма постовому начальнику (он же начальник Новгородского поста): «...принимая Постовое Управление за центральное административное учреждение, которое... должно заботиться о направлении всех находящихся в районе военно-рабочих средств к удовлетворению местных интересов края, не только военных, но и главным образом общих гражданских и экономических» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42, т. 1. Л. 3 об. — 6 об.].

Ставка на военных в деле управления обширной и населённой территорией (в 1869 г. население Южно-Уссурийского края составляло свыше 19 тыс. чел. [14, с. 188]) являлась попыткой преодолеть кадровый «голод». По словам Фуругельма, «возложение гражданских обязанностей на военных лиц вызвано крайним недостатком гражданских чиновников и неимением решительно никаких средств для административных гражданских учреждений в Южном крае» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42, т. 1. Л. 90 об.].

Однако данная реформа вызвала критику со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири. В записке И. В. Фуругельму в июне 1868 г. Корсаков писал, что он ещё в 1866 г. предлагал приморским властям организовать на территории Южно-Уссурийского края Суйфунский округ, гражданским населением которого заведовал бы особый офицер с правами земского исправника и подчиняющийся начальнику Новгородского поста. Видимо, мысль генерал-губернатора была неверно интерпретирована, и вместо этого в крае появилось «раздробительное управление» (гражданским населением заведовали семь офицеров, а не один по проекту Корсакова), а местные администраторы не смогли наладить действенный контроль за пришлым китайским населением, ввиду чего вспыхнула «манзовская война» (восстание китайцев, называемых в Приморье манзами) [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42, т. 1. Л. 41—42].

Двойственность функций постовых офицеров привела к тому, что они не могли удовлетворительно заниматься ни военным, ни гражданским управлением [15, с. 199]. Более того, из-за разбросанности военных постов участковые начальники оказались вне контроля со стороны

приморских властей. Зачастую они не имели необходимых финансовых ресурсов для выполнения решений вышестоящих властей [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42, т. 1. Л. 88 об. — 89 об.]. Всё это побудило Иркутск взять дело реорганизации управления Южно-Уссурийским краем в свои руки. 4 июня 1868 г., ещё до окончания «манзовской войны», край был разделён на пять округов (Суйфунский, Сучанский (включал земли удельного ведомства), Ханкайский, Аввакумовский, Уссурийский (территория Уссурийского казачьего батальона)). Гражданским населением в округах руководили начальники местных воинских команд. В Суйфунском и Ханкайском округах (и в Сучанском — вплоть до прибытия управляющего землями удельного ведомства) ввиду многочисленности гражданских лиц управлять ими должен был особый офицер либо гражданский чиновник на правах земского исправника, подчинявшийся своему окружному начальнику [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42, т. 1. Л. 43—44 об.].

Однако реформа не разрешила окончательно противоречий между системой управления, с одной стороны, и специфическими условиями Южно-Уссурийского края (быстро растущее русское и особенно пришлое население, громадные не контролируемые властью пространства, недостаток квалифицированной бюрократии) — с другой. Вопрос об управлении югом Приморской области по-прежнему оставался актуальным.

Вместе с тем проблема контроля над иностранными подданными, оседавшими в крае или находившимися в нём временно, а также интенсификация пограничных сношений между местными русскими и китайскими властями побудили МВД пойти в 1869 г. на создание управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае.

Комиссар подчинялся приморскому губернатору, а в дипломатической части — непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири, который имел полномочия увольнять и назначать на данную должность. Местопребывание комиссара определялось приблизительно («при заливе Посьет»), а конкретное место должен был выбрать генерал-губернатор [4, № 47653].

Таким образом, к концу 1860-х гг. этап оптимизации дальневосточных управленческих структур и административно-территориального устройства был завершён. На востоке региона (Приморская область) власти ограничились незначительной корректировкой органов управления, направленной на «подгонку» уже имевшихся ресурсов к изменившимся обстоятельствам. Среди значимых преобразований, имевших долговременный характер, можно отметить выделение Сахалина в отдельный округ в составе области. Трансформация системы управления на Командорах и в Южно-Уссурийском крае была временной мерой, что отчётливо создавалось местными властями.

Преобразования, касающиеся запада (Забайкальская область) имели такой же характер, однако отличались большим масштабом. Если в начале 1850-х гг. Забайкалье состояло из двух округов, то к середине 1860-х гг. их было пять — Верхнеудинский, Баргузинский, Селенгинский, Нерчинский (Читинский) и Нерчинско-Заводский. Кроме того, в область

на особых правах вошла территория бывшего Кяхтинского градоначальства. Что касается Амурской области, то в рассматриваемый период её административно-территориальное деление не изменилось.

Стоит отметить, что, несмотря на утрату особого расположения центра, которым пользовались иркутские власти при Н. Н. Муравьёве, при М. С. Корсакове они добились реализации практически всех мер локального характера по административно-территориальному переустройству. Но этот успех был куплен дорогой ценой: центр отказывался пойти навстречу масштабным, общерегиональным проектам реформирования административно-территориального деления, периодически выдвигаемым генерал-губернатором Восточной Сибири [3, с. 226—230].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Венюков М. И. Мои воспоминания. 1857—1858 гг. Восточная Сибирь и Амур // Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский в воспоминаниях современников. Серия: История Сибири. Вып. 8. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 412 с.
2. Венюков М. И. Воспоминания о заселении Амура в 1857—1858 гг. // Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск: Кн. изд-во, 1970. 240 с.
3. Ремнёв А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 552 с.
4. II Полное собрание законов Российской Империи.
5. Панов В. А. Дальневосточное положение (очерк Приамурья). Владивосток, 1912. 119, [IV] с.
6. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край (с картой): естеств.-ист. описание. В 2 т. СПб., 1900. Т. 1. 704 с.
7. Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур: Дорожные заметки и воспоминания. 2-е изд. СПб., 1871. 594, [4] с.
8. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
9. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
10. Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана. Л.: Соцэкгиз, 1938. 280, [2] с.
11. Костанов А. И. История освоения Сахалина в эпоху российского капитализма: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1987. 223 с.
12. Гридяева М. В. Демографические процессы, административное развитие и становление социальной сферы на острове Сахалин в середине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004. 310 с.
13. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1997. 384 с.
14. Александровская Л. В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане: Документально-историческое повествование. Владивосток: Изд-во ПИППКРО, 2007. 344 с.
15. Поповичева Ю. Н. Дальневосточное чиновничество во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 262 с.
16. ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края).
17. РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока).